

DOI 10.15826/izv.2.2017.19.3.041
УДК 141.82 + 930.25 + 94(47)“1917” +
+ 929 Троцкий + 325.2

Ю. З. Кантор
*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена*
Санкт-Петербург, Россия

ЮНОСТЬ ВОЖДЯ: ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ Л. Д. ТРОЦКОГО (по материалам архивных находок)

Статья, основанная на ранее не публиковавшихся документах из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), посвящена дореволюционному периоду жизни и деятельности Л. Д. Троцкого. Автор акцентирует внимание на личностном становлении Троцкого, формировании доминирующих черт его характера, на взаимоотношениях с родными и близкими. Анализируя архивные первоисточники, можно не только восстановить лакуны в биографии одного из самых влиятельных и успешных деятелей российского революционного движения, но и проследить «первые шаги» психосоциальной трансформации: превращения сентиментального марксиста-романтика в жестокого до цинизма большевистского лидера. В статье обращается внимание на причины осложнения взаимоотношений Л. Д. Троцкого (тогда — Лейбы Бронштейна) с родителями, иллюстрируется разгар романа с будущей женой, Александрой Соколовской, — публикуются фрагменты писем молодого марксиста к ней, написанные в тюрьме. Также внимание уделено истории побега из ссылки (на материалах жандармской переписки) и мотивации осознанного выбора между семьей и политической деятельностью. На основе архивных документов (Петроградского охранного отделения) реконструируются и «ступени» политического взросления, и радикализации взглядов Троцкого между 1902 и 1907 гг. Выявленные автором архивные источники, в совокупности с ранее опубликованными материалами, дают возможность дополнить психологический портрет Троцкого как отца двух дочерей, рожденных в сибирской ссылке, выросших в период, когда он находился в эмиграции, и «заслоненных» от него поглотившей его идеей революционного переворота.

К л ю ч е в ы е с л о в а: марксизм; Бронштейн; Соколовская; венчание; арест; ссылка; дочери; побег; эмиграция; революция.

«Сашенька, мне тяжело... Я хочу тебя слышать, тебя видеть... Ну не грешно ли с моей стороны жаловаться тебе, но ведь теперь решительно некому пожаловаться... Жизнь все-таки так хороша, Саша так хороша, хочется так целовать, так ласкать ее. И всё это недоступно: вместо этого одиночество, бессонница, отвратительные мысли о смерти. Брр!» — в строках этого лирически-сентиментального многостраничного письма [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 431, л. 13], написанного в тюрьме 19-летним марксистом будущей жене, никак не угадывается «почерк» человека, имя которого сто лет назад был синонимом беспощадности и революционного «прагматизма», — Льва Троцкого. Тогда, в 1898 г., он еще

был Лейбой Бронштейном. Коллекция документов, позволяющих погрузиться в «юность вождя», хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории.

«Я сегодня вспомнил, какими чисто случайными обстоятельствами было вызвано мое жительство в Николаеве, и что из этого жительства проистекло? Ты помнишь, когда и как мы с тобой познакомились у вас на квартире на Мещанской. Ты была в одноцветном синем платье... Ты на меня с самого начала произвела хорошее впечатление, хотя я и был предубежден против тебя, так как знал, что ты строптивейшая марксистка... Мы спорили. Когда я в Одессу уезжал, ты со мной поцеловаться при прощании не хотела. Ах, как меня это задело!», — пишет он Александре Соколовской [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 431, л. 17]. Задело — и он решил не отступать, добиться желаемого. И был успешен. Темперамент и красноречие младшего товарища не оставили Александру равнодушной: роман пылал, подогреваемый и политическим единомыслием. Оба они — в числе других «бунтовщиков» — были арестованы по делу «Южно-русского рабочего союза» и отправлены в Одесскую тюрьму, где провели около двух лет, затем — в Москву, в Бутырскую.

В Бутырской тюрьме они с Соколовской решили пожениться, испросили разрешение тюремных властей, сообщили родителям. Власти чинить препятствий не стали — тюремные венчания «политических» в тот период уже стали делом вполне тривиальным. Родители Соколовской брак одобрили, надеясь, что семейная жизнь отвлечет их дочь от политики, да и возраст по тем временам у Сашеньки был более чем зрелый для незамужней девицы — ей было уже под тридцать. А вот Бронштейны решительно воспротивились такому браку их сына: они были убеждены в том, что Соколовская столкнула впечатлительного и импульсивного Льва с «пути истинного», и ее пагубное влияние после заключения брака лишь усилится. Он сам напишет об этом будущей жене, в письме из камеры в камеру, перехваченном тюремщиком: «Шурочка! Третьего дня я имел свидание с матерью. Свидание окончилось полным разрывом — и лучше, не правда ли? Я на этот раз дал отпор, и вышла довольно скверная сцена. Я отказался от помощи. Сейчас я получил письмо от твоего отца: он... не огорчен моим разрывом с родными» [Там же, л. 11]. Бронштейны, стремясь уберечь сына от «пагубной» связи, даже написали прошение Иркутскому губернатору (в ссылку Лейбу и Александру направили в Иркутскую губернию): «Мы, родители, опасаемся, что этот брак угрожает нашему сыну полной нравственной гибелью, а мы уверены, что без влияния Соколовской он исправится и по отбытию наказания возвратится в семью и сделается полезным гражданином» [Гриневич]. Родители Льва не знали, что в Сибирь их сын прибыл уже женатым. Ведь еще в Одессе, когда сын заявил о своем намерении связать судьбу с Соколовской, Бронштейны не дали согласия на брак, а без этого согласия несовершеннолетнему Лейбе путь к венчанию был закрыт. По прошествии почти двух лет, в Москве, достигший совершеннолетия, а потому не зависящий от воли родителей, Лейба женился. Венчание было произведено равнином, поскольку в документах Бронштейн

и Соколовская значились иудеями, хоть и были к тому моменту убежденными атеистами. К венчанию оба, давно состоявшие в гражданском браке, отнеслись как к скучной формальности, необходимой лишь для следования в ссылку вместе [Чернявский, с. 78].

Долгий путь на поезде в Сибирь был для них долгожданным свадебным путешествием. «Из вагона нас все время не выпускали и к нам никого не впускали. Бронштейн, однако, ни к чему не обнаруживал никакого интереса: он весь был поглощен Соколовской», — вспоминал ехавший с ними в одном вагоне в ссылку их давний знакомый Г. А. Зив [Зив, с. 34]. «Путешествие» из Москвы в Иркутскую губернию, начавшееся 3 мая 1900 г., продолжалось почти полгода: арестованных неоднократно «перегружали», размещая в местных пересыльных тюрьмах, в ожидании пополнения этапа. Александру и Льва поселили в Усть-Куте — большом, на сто изб, селе на берегу Лены. Двадцатилетний Бронштейн пишет:

У меня развивается необыкновенная чувствительность: я стал способен «ронять слезы» при чтении стихов, при чтении беллетристических произведений. Нервы напряжены чрезмерно. Сибирская тайга умерит эту нежную гражданскую чувствительность. Зато мы там будем счастливы! Как Олимпийские боги! Всегда-всегда неразлучно вместе! Сколько раз я уже повторяю это, и все-таки хочется повторять и повторять! Мы с тобой столько пережили, столько настрадались, что заслужили час счастья... Мы живем в интереснейшее время, куда интереснее, чем знаменитые 60-е и 70-е годы. Период такого сильного общественного напряжения [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 431, л. 17].

Тайга действительно «умерила чувствительность» и усилила желание не оставаться в стороне от событий «интереснейшего времени». Лев Бронштейн покинет Александру Соколовскую с двумя крохотными дочками, рожденными в ссылке, чтобы никогда не возвращаться в первую семью. Сам он в книге «Моя жизнь» много лет спустя предложит читателю мелодраматически-фатальную версию разрыва, одобренную прореволюционной риторикой:

У нас были в это время уже две девочки; младшей шел четвертый месяц. Жизнь в сибирских условиях была нелегка. Мой побег должен был возложить на Александру Львовну двойную ношу. Но она отводила этот вопрос одним словом: *надо*. Революционный долг покрывал для нее все другие соображения, и прежде всего личные. Она первая подала мысль о моем побеге, когда мы отдали себе отчет в новых больших задачах. Она устранила все сомнения, возникавшие на этом пути. В течение нескольких дней после побега она успешно маскировала мое отсутствие от полиции. Из-за границы я едва мог переписываться с ней. Для нее наступила затем вторая ссылка. В дальнейшем мы встречались только эпизодически. Жизнь развела нас, сохранив ненарушимо идейную связь и дружбу [Троцкий, с. 95].

Итак, 21 августа 1902 г. 23-летний Бронштейн бежал. Это оказалось совсем нетрудным делом. Его посадили в повозку, накрыли сеном и отправили в Иркутск. В Иркутске друзья выдали беглецу приличное платье и паспорт, куда он вписал свое новое имя — Николай Троцкий, «в честь» одесского тюремного

надзирателя. А Александре нужно было «маскировать» его отсутствие. Буквально в день его побега верхоленский жандарм пришел в избу, где жил ссыльный Бронштейн с семьей — для ежедневной проверки. Увидев накрытого с головой крестьянским рядом спящего человека, решил разбудить: приказано «лично удостовериться». Но обаятельной и кроткой Соколовской, вышедшей к представителю власти «с плачущей дочкой на руках», удалось убедить жандарма, что муж болен, у него жар, не стоит его будить. И сердобольный блюститель порядка удалился, ему и в голову не пришло, что под рядом — чучело... Двое суток спустя, когда беглец уже благополучно катил по Транссибирской магистрали на запад в курьерском поезде, жандарм явился снова... Еще через два дня из Верхоленска в Иркутск ушла телеграмма:

Губернатору

Копия полицмейстеру

Вчера самовольно отлучился Лейба Бронштейн 23 лет. 2 аршина половиной волосы каштановые подбородок двойной разделен, носит очки. По заявлению жены Бронштейн выехал Иркутск.

Исправник Людвиг [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 1, л. 7].

Он «отлучился» надолго — добрался до Лондона, где быстро был принят в круг виднейших российских социал-демократов и, по воспоминаниям Луначарского, будущего первого советского наркома просвещения, «заграничную публику поразил своим красноречием, значительным для молодого человека образованием и апломбом. ...Очень серьезно к нему не относились по его молодости, но все решительно признавали за ним выдающийся ораторский талант и, конечно, чувствовали, что это не цыпленок, а орленок» [Луначарский, с. 343]. Вот именно это «не очень серьезное отношение» старших единомышленников ужасно раздражало Троцкого: ему нужно было убедить их — и самого себя — в собственной значимости. Он жаждал затмить их, стать первым. Цена не имела значения. И в 1905-м, революционном, году он вернулся в Россию. Нелегально, конечно. И не один — с молодой женой, Натальей Седовой.

В 1907 г. учетная карточка Лейбы Бронштейна в столичном охранном отделении выглядела так:

Бронштейн (Лев) Давидов, он же Николай Троцкий и Яновский, лишенный всех прав состояния, сын колониста, русский подданный, литератор. Приметы: рост 2 аршина 6 и $\frac{3}{4}$ вершка, телосложения среднего, волосы, усы и борода темно-каштановые, вьющиеся, глаза голубые, близорук, держится прямо. В 1898 году Бронштейн привлекался в качестве обвиняемого... по делу о «Южно-русском рабочем союзе» в Одессе. Дело это разрешено ВЫСОЧАЙШИМ повелением... Выслан под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на 4 года. Будучи водворен в Верхоленск... 21 августа из г. Верхоленска скрылся и помещен в розыскной циркуляр от 1 сентября 1902 года № 5530 [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 1, л. 8].

Далее в документе довольно подробно описана «политическая карьера» Троцкого — в 1905 г. был привлечен петербургским жандармским управлением

к дознанию по делу Совета рабочих депутатов. Во время пребывания в петербургской тюрьме «Кресты» Троцкий писал Соколовской, находившейся в очередной ссылке:

Дорогой друг, положение мое всё то же. Суд отложен до 19 сентября. Сижу я в одиночной камере, прогулка общая — часа 3 в день... к началу октября выйдет моя книга «Наша революция» — часть I. Родители привезли мне карточку девочек, я тебе писал об этом. Девочки превосходные — каждая в своем роде! У Нинушки такое комично-испуганное и вместе с тем лукаво-заинтересованное лицо! А у Зинушки прямо размягчающее личико! Кто-то тронул рукой карточку у меня в камере, и на личике Зинушки — пятно. Если у тебя есть свободная карточка, пришли, пожалуйста [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 436, л. 1].

По приговору петербургской Судебной палаты 1906 г. он снова «лишен всех прав состояния и водворен в Березове Тобольской губернии». Но и из Березова тоже вскоре скрылся и был «помещен в розыскной циркуляр 2 мая 1907 года» [Там же, д. 1, л. 5]. Ко времени выпуска этого циркуляра Троцкий, на тот момент редактор «Правды» (органа Украинского союза «Спилка» РСДРП), уже благополучно жил в Вене с женой и двумя маленькими сыновьями от второго брака. О взаимоотношениях детей от обоих браков можно судить по письму, написанному десятилетней дочерью Троцкого и Соколовской находящемуся за границей отцу:

Дорогой папочка! Я не принята в третий класс и осталась во втором. Я уже получила отметку (5–) по французски. Я очень скучаю... О мамочке я тебе напишу все то, что только знаю. Она имеет свидание каждую неделю. Ждет высылку на север. Суда нет. Да все это очень тяжело... На днях написала маме. Целую тебя крепко-крепко. Целую крепко Наталию Ивановну (Седову. — Ю. К.) и мальчиков Левушку и Сергуньку (сыновья Троцкого от второго брака. — Ю. К.). Что они подельвают, славные мальчики? Зина [Там же, оп. 2, д. 104, л. 7].

Троцкий вернулся в Россию после Февральской революции, причем в пути его задержали в канадском порту Галифакс за отсутствие документов и отправили в лагерь для интернированных, откуда вскоре выпустили: Временное правительство обратилось к канадским властям с ходатайством не чинить препятствий «заслуженному борцу с царизмом», возвращающемуся на родину. Троцкий с семьей прибыл в Петроград. Тогда же в столицу приехала и Соколовская (пережившая к тому времени еще две ссылки и три ареста) с дочерьми. Нина и Зина видят отца лишь на митингах и политических собраниях. Описывая события 1917 г., Троцкий замечает: «Иногда я узнавал в толпе лица своих двух девочек. Они жили по соседству — со своей матерью. Старшей шел шестнадцатый год, младшей — пятнадцатый. Я едва успевал кивнуть навстречу их взволнованным глазам или сжать на ходу нежную, горячую руку. И толпа уже снова разрывала нас» [Троцкий, с. 187]. На большее, чем «на ходу», по отношению к близким у Троцкого времени не было.

В одесской тюрьме 19-летний Лейба Бронштейн писал:

Я что-то совсем выбился из колеи, возбуждены нервы. Бессонница... О, с каким ужасом будут когда-нибудь говорить о современном общественном строе... За моими дверьми как раз в настоящую минуту раздался дружный лязг многих цепей: ведь это на людях. Саша, до какой степени мы привыкли к этому, и как это страшно. Цепи на людях [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 431, л. 16].

Пройдет ровно двадцать лет, и председатель Реввоенсовета республики, создатель Красной армии, «демон революции» Лев Троцкий, придумавший заградотряды и децимации (расстрел каждого десятого в армейских частях, отступивших с боевых позиций), не будет жаловаться на бессонницу и расстроенные нервы.

Источники

РГАСПИ. Ф. 325. Оп.1. Д. 1, 431, 436; Оп. 2. Д. 104.

Исследования

Гриневиц Е. В. Троцкий и Соколовские [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migdal.org.ua/migdal/events/science-confs/6/17433/> (дата обращения: 01.07.2017).

Зив Г. А. Троцкий. Характеристика (По личным воспоминаниям). Нью-Йорк : Народопр-ство, 1921.

Луначарский А. Лев Давидович Троцкий // Силуэты: политические портреты / А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. М. : Политиздат, 1991.

Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М. : Панорама, 1991.

Черняевский Г. И. Лев Троцкий. Революционер. 1879–1917. М. : Центрполиграф, 2012.

Статья поступила в редакцию 04.07.2017

Кантор Юлия Зораховна

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. Мойки, 48
E-mail: juliakantor@yandex.ru

Kantor, Yulia Zorakhovna

Dr. Hab. (History), Professor
Chair of World History
Russian State Pedagogical University
named after A. I. Herzen (Herzen
University)
48, Moika Str., 191186 St Petersburg, Russia
Email: juliakantor@yandex.ru

THE YOUTH OF THE LEADER: LEON TROTSKY'S PRIVATE LIFE (According to Archival Materials)

This article is based on unpublished documents from the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) and is devoted to Leon Trotsky's pre-revolutionary

period of life. The author focuses on Trotsky's personality development and dominant character traits, and his relationship with his family. By analysing archival primary sources, not only can we restore the gaps in the biography of one of the most influential and successful figures of the Russian revolutionary movement but follow his "first steps" of psychosocial transformation from a sentimental Marxist romantic into a cruel and cynical Bolshevik leader. The article draws attention to the causes of the complication of Trotsky's (then Leiba Bronstein's) relationship with his parents, and illustrates the height of his romance with his future wife Aleksandra Sokolovskaya. The article includes fragments of letters the young Marxist wrote in prison. Attention is also paid to the history of his escape from exile (with reference to gendarmerie correspondence) and the motivation of his conscious choice between family and political activity. Referring to archival documents (the Petrograd security department), the author reconstructs the "steps" of the political maturation and radicalisation of Trotsky's views between 1902 and 1907. Archival sources, identified by the author, in conjunction with previously published materials, make it possible to supplement the psychological portrait of Trotsky as the father of two daughters who were born in Siberian exile and grew up during his emigration, and were "obscured" for their father by his ideas of a revolutionary coup.

Key words: Marxism; Bronstein; Sokolovskaya; church wedding; arrest; exile; daughters; escape; emigration; revolution.

Cherniavskii, G. I. (2012). *Lev Trotsky. Revolutionser. 1879–1917* [Leon Trotsky. A Revolutionary. 1879–1917]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian)

Grinevich, E. V. *Trotsky i Sokolovskie* [Trotsky and the Sokolovsky]. Retrieved from <http://www.migdal.org.ua/migdal/events/science-confs/6/17433/>. (In Russian)

Lunacharsky, A. (1991). Lev Davidovich Trotsky [Leon Davidovich Trotsky]. In A. Lunacharsky, K. Radek, & L. Trotsky, *Silueti: politicheskie portrety* [Silhouette: Political Portraits] (pp. 434–35). Moscow: Politizdat. (In Russian)

Trotsky, L. (1991) *Moia zhizn'. Opyt avtobiografii* [My Life. Experience of Autobiography]. Moscow: Panorama. (In Russian)

Ziv, G. A. (1921). *Trotsky. Kharakteristika. (Po lichnym vospominaniiam)* [Trotsky. A Characteristic. (According to Personal Memories)]. New York: Narodopravstvo. (In Russian)

Received on 4 July, 2017